

КНИГА «ЭХО»

Избушка на краю себя. Книга двадцать четвёртая.

ПРОЛОГ: «Тишина, которая оказалась фальшью»

Агата проснулась оттого, что мир перестал звучать.

Она села на лежанке, прислушалась. Нет, звуки были: Котофей привычно храпел на печи, выдувая носом сложные рулады; за окном пересвистывались ранние птицы; где-то в лесу стучал дятел. Всё было на месте.

Но это было похоже на радио, которое включили, но забыли настроить на волну. Шорох есть, а музыки нет.

— Котофей, — позвала она. — Ты спишь?

— Нет, — ответил кот, не открывая глаз. — Я думаю.

— О чём?

— О том, почему у меня в ушах вата.

Агата вздохнула. Значит, не ей одной кажется.

Она встала, подошла к окну. За ним начинался рассвет — красивый, розовый, правильный. Но даже краски были какими-то... плоскими. Как на старой фотографии, где всё есть, а глубины нет.

— Я схожу к Пряхе, — сказала она. — Что-то не так.

— Я с тобой, — Котофей прыгнул с печи и тут же замер. — Хотя нет. Я, кажется, нужен здесь.

— С чего ты взял?

Кот посмотрел на дверь в детскую комнатку, где спала внучка, приезжавшая погостить на неделю.

— Сам не знаю. Просто чувствую. Иди одна. Я посторожу.

Агата удивилась, но спорить не стала. Котофей редко говорил такие вещи просто так.

Дорога к Бабушке-Пряхе заняла больше времени, чем обычно. Лес был тем же, но каким-то... отсутствующим. Деревья не шептались, белки не стрекотали, даже комары, вечные комары, и те будто забыли, зачем они здесь.

А когда Агата подошла к корням Великого Дуба, сердце её ухнуло в пятки.

Проход был открыт.

Не приоткрыт, как обычно, а распахнут настежь. Из глубины не доносилось ни звука.

— Бабушка? — позвала Агата, переступая порог.

Тишина.

Она вошла. Света не было. Только тусклое мерцание откуда-то из глубины.

Веретено валялось на полу. Нити, всегда струящиеся из-под него ровным, живым потоком, сейчас лежали бесформенной кучей, и многие из них были... оборваны.

А в центре, на своём троне из корней, сидела Бабушка-Пряха. Живая, но неподвижная. С закрытыми глазами.

— Бабушка!

Агата бросилась к ней, схватила за руку. Рука была тёплой, но безжизненной, как у спящего глубоким сном.

— Не трогай.

Голос раздался из темноты. Агата обернулась.

Из угла вышла фигура. Женщина, каких Агата никогда не видела, хотя, казалось, видела уже всё. Она была соткана из тех самых оборванных нитей — они струились с её плеч, обвивали руки, тянулись за ней, как шлейф.

— Ты кто? — спросила Агата, инстинктивно загораживая Пряху собой.

— Я — То, Что Осталось, — ответила женщина. Голос её был похож на шелест бумаги. — Когда нити рвутся, из них рождаюсь я. Не пряжа, не судьба — просто... мусор.

— Что случилось?

— Кто-то поёт слишком фальшиво. Там, внизу. Так фальшиво, что нити не выдерживают. Они лопаются одна за другой. Она пыталась их чинить, — женщина кивнула на Пряху. — И не справилась. Ушла в себя, чтобы спастись. А я осталась.

— Как её разбудить?

— Починить нити. Найти источник фальши и убрать его. Но это не всё.

— А что ещё?

Женщина подошла ближе. В её глазах не было злобы — только бесконечная усталость.

— В Подвале, куда падают оборванные нити, скопилось слишком много. Они плачут. Они не могут стать судьбами, не могут вернуться, не могут уйти. Они просто... висят. И их плач создаёт эхо, которое мешает всем остальным нитям звучать правильно.

— Подвал Разорванных Нитей, — прошептала Агата, вспоминая слова из своего сна.

— Ты знаешь. Хорошо. Значит, не придётся объяснять.

Женщина протянула руку. На ладони лежал клубок — не ниток, а света. Тонкого, пульсирующего, почти прозрачного.

— Это последняя нить, которую она спряла перед тем, как уснуть. Она ведёт в Подвал. Но войти туда можно только вдвоём. По одному вы не справитесь.

— Почему?

— Потому что в Подвале нужно не только видеть, но и держать. Один смотрит, другой держит свет. Иначе вас затянет.

Агата сжала клубок в руке. Он был холодным, но под пальцами начал теплеть.

— Я знаю, с кем пойти.

— Иди, — кивнула женщина. — Я постерегу её. Но не задерживайся. Время там течёт иначе. Каждый день, проведённый здесь, может стать годом для тех, кто ждёт внизу.

Агата выбежала из-под корней и бросилась обратно, в избу.

Она знала, кто пойдёт с ней. Единственный, кто держал небо, чтобы оно не упало им на головы.

В избе её ждал Гвидон.

Он стоял на крыльце, глядя на небо, и лицо у него было такое, какого Агата не видела никогда — растерянное.

— Что-то не так с небом, — сказал он, не оборачиваясь. — Звёзды горят, но не греют.

— Я знаю, — выдохнула Агата. — Гвидон, мне нужна твоя помощь. Пряха заболела. Надо идти в Подвал Разорванных Нитей. И без тебя я не справлюсь.

Он обернулся. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Я с тобой.

— Даже не спросишь, что это?

— Ты сказала «надо». Значит, надо.

Агата подошла и обняла его. Крепко, как в молодости, когда весь мир был против них, а они стояли спина к спине и держались.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что. Это моя работа.

В дверях показался Котофей. За ним, держась за его хвост, — маленькая внучка с золотыми волосами.

— Бабушка, — сказала девочка. — А Котофей говорит, вы уходите.

— Уходим, милая. Ненадолго.

— А можно я с вами?

— Нельзя. Ты должна остаться здесь и следить, чтобы всё было хорошо.

Девочка надула губы, но спорить не стала.

— А Котофей останется?

— Останется. Он теперь за главного.

Кот посмотрел на Агату с ужасом.

— За главного? С ней? Ты понимаешь, что через три дня здесь будет филиал сметанной фабрики?

— Вот и отлично. Я люблю сметану, — сказала внучка и потянула кота обратно в избу.

Агата улыбнулась. Потом взяла Гвидона за руку, и они шагнули в клубок.

Свет вокруг них свернулся в спираль, и мир исчез.

Они стояли на пороге Подвала.

Это было не подземелье, не пещера, не яма. Это было пространство, в котором висели нити. Тысячи, миллионы, бесконечные нити — оборванные, болтающиеся в пустоте, каждая с маленьким огоньком на конце, который почти погас.

И от них шёл звук.

Не плач, не вой, не стон. Просто — эхо. Пустота, которая отзывается сама на себя.

— Ничего себе, — тихо сказал Гвидон. — Здесь есть те, кого не родили?

— И те, кто не захотел родиться, — добавила Агата. — И те, чьи песни оказались слишком фальшивыми, чтобы нить выдержала.

Они сделали шаг вперёд.

И эхо стало громче.

Запись в гримуаре Агаты:

«Пряха заболела. Её нити рвутся. Кто-то в мире людей поёт так фальшиво, что судьбы лопаются, как перетянутые струны.

Мы с Гвидоном идём в Подвал Разорванных Нитей. Там ждут те, кто не смог стать судьбой. Их плач создаёт эхо, которое глушит все остальные голоса.

Я не знаю, что мы там найдём. Но знаю одно: без Гвидона я бы не решилась. Он — стена. Он — свет. Он — тот, кто держит, когда я смотрю.

P.S. Котофей остался с внучкой. Боюсь, по возвращении застану избу, превращённую в кошачье-детский рай. С преобладанием сметаны. Но если это цена за их безопасность — я согласна».

Они двинулись вглубь Подвала, и с каждым шагом воздух становился гуще. Нити висели теперь не просто в пустоте — они переплетались, создавая причудливые узоры, похожие на паутину, в которой запутались миллионы светлячков.

Гвидон шёл первым, раздвигая нити плечами. Они не рвались, но неприятно скользили по коже, оставляя ощущение холода.

— Ты чувствуешь? — спросила Агата.

— Что?

— Они живые. Они помнят.

— Помнят что?

— Себя. Тех, кто мог бы родиться. Тех, кто ждал, но не дождался.

Гвидон остановился и прислушался. Теперь и он слышал — не ушами, а всем телом. Тысячи голосов, каждый на своей ноте, сливались в один бесконечный, тягучий звук.

— Куда нам идти? — спросил он.

Агата посмотрела на клубок в руке. Он пульсировал ровно, но нить, тянущаяся от него, уходила куда-то вглубь, теряясь среди миллионов других.

— Туда, — она показала. — Где гуще всего.

Они пошли дальше. Нити становились плотнее, воздух — холоднее, эхо — громче. А потом впереди показался свет.

Не такой, как у живых нитей — тусклый, умирающий. Другой — ровный, тёплый, пульсирующий в ритме сердца.

— Там кто-то есть, — сказал Гвидон.

— Там что-то есть, — поправила Агата.

Они вышли на поляну. Среди бесконечных оборванных нитей, в самом центре, стояла женщина.

Она была старой и молодой одновременно. В её волосах запутались звёзды, в глазах плескалась вечность, а руки, тонкие и прозрачные, перебирали нити, пытаясь связать оборванные концы.

Но нити не связывались. Они рассыпались в пальцах, как сухой песок.

— Ты кто? — спросила Агата.

Женщина подняла голову. Улыбнулась.

— Я та, кого забыли, — сказала она. — Младшая сестра Пряхи. Когда-то мы пряли вместе. Она — судьбы, я — надежды. Но надежды рвутся чаще. Меня отправили сюда, чинить то, что уже не починить. Я здесь так долго, что сама стала нитью.

— Тебя можно освободить? — спросил Гвидон.

— Освободить? — женщина засмеялась, и смех её был похож на звон разбитого стекла. — Милый мой, я и есть этот Подвал. Я — та, кто держит всё это. Если я уйду, нити упадут вниз, прямо в мир людей. И каждый оборванный конец станет чьей-то болью. Вдругой. Непрожитой.

Агата подошла ближе. Протянула руку, коснулась плеча женщины. Оно было ледяным.

— Ты не должна страдать вечно.

— Страдать? — женщина удивилась. — Я не страдаю. Я помню. Каждую нить, каждую надежду, каждую душу, которая могла бы стать, но не стала. Это не страдание. Это — долг.

— Тогда почему Пряха заболела? — спросила Агата. — Почему нити рвутся быстрее, чем ты успеваешь их помнить?

Женщина замолчала. Надолго. Потом посмотрела куда-то вверх, туда, где терялись во тьме миллионы концов.

— Потому что там, наверху, перестали верить, — сказала она тихо. — Раньше люди пели. Иногда фальшиво, иногда чисто, но пели. А теперь они кричат. Или молчат. Или говорят слова, за которыми ничего нет. Надежда требует тишины, а им всё время нужно шуметь.

Гвидон подошёл к Агате, встал рядом.

— Мы можем помочь? — спросил он.

— Можете, — кивнула женщина. — Но это будет больно. Очень больно.

— Почему?

— Потому что вам придётся услышать каждую из этих нитей. Не всех — хотя бы одну. Самую громкую. Ту, что создаёт это эхо. У неё есть голос. Найдите его — и эхо стихнет. Но чтобы найти, надо войти в неё. Стать ей на мгновение.

Агата и Гвидон переглянулись.

— Мы справимся, — сказала Агата.

— Не вместе, — покачала головой женщина. — По одному. Кто-то один войдёт, кто-то будет держать свет, чтобы не потеряться. Выбирайте.

Гвидон шагнул вперёд.

— Я войду.

— Почему ты? — удивилась Агата.

— Потому что ты уже носила в себе чужую душу. В той, прошлой книге. Хватит. Теперь моя очередь.

Агата хотела возразить, но поняла: он прав.

— Держи свет, — сказал Гвидон и шагнул к самой толстой, самой тёмной нити, которая пульсировала в центре поляны.

Он коснулся её — и исчез.

Агата осталась одна. С клубком света в руках. С женщиной, сотканной из надежд. С миллионами оборванных нитей, которые тихо звенели в вечной темноте.

— Держи, — сказала женщина. — Не отпускай. Если свет погаснет, он не вернётся.

Агата сжала клубок обеими руками и закрыла глаза.

Она не видела, что происходило с Гвидоном. Но чувствовала. Каждую секунду.

Гвидон падал.

Не вниз — вглубь. Сквозь время, сквозь боль, сквозь чужие жизни, которые могли бы стать, но не стали.

Он видел девочку, которую ждали, но не доносили. Мальчика, которого зачали в пьяной ссоре и забыли через месяц. Ребёнка, которого назвали «ошибкой» ещё до того, как он успел сделать первый вдох. И другого, чья мать так боялась родов, что её страх убил его раньше, чем открылись двери.

Тысячи. Миллионы.

И среди них — один голос. Громче всех.

Гвидон рванулся к нему.

И оказался в комнате.

Обычная комната. Обои в цветочек. Кровать. Окно, за которым идёт дождь. На кровати — женщина. Она плачет, уткнувшись в подушку, и её плечи трясутся.

Рядом — мужчина. Он стоит у окна, спиной, и молчит.

— Я не хочу, — говорит женщина сквозь слёзы. — Я не готова. Мы не готовы. У нас нет денег, нет жилья, нет ничего. Я не хочу.

Мужчина молчит. Потом поворачивается.

— Тогда не надо, — говорит он. — Решим.

И они решают.

А где-то там, в темноте, маленькая нить, которая только начала светиться, гаснет. Навсегда.

Гвидон хочет закричать, но не может. Он не здесь. Он просто видит.

— Ты не виноват.

Голос позади. Гвидон оборачивается.

Перед ним стоит девочка. Лет семи. Прозрачная, как Надя когда-то, но с глазами, полными такой мудрости, что становится страшно.

— Ты — та нить? — спрашивает Гвидон.

— Я — та, кого не выбрали, — кивает девочка. — Не потому что не хотели. Потому что боялись. Они боялись так сильно, что их страх стал громче любви.

— Ты поэтому кричишь громче всех?

— Я не кричу, — удивляется девочка. — Я пою. Просто моя песня — про то, как страшно быть не нужной. И её слышат все остальные. Она заражает их.

— Как тебя зовут?

— У нитей нет имён. Но они называли меня... Надеждой. Только надежда у них была не на меня, а на то, что я не приду.

Гвидон садится на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

— Ты злишься на них?

— Нет, — качает головой девочка. — Они не плохие. Они просто испуганные. Их никто не научил, что страх можно не слушать.

— А ты умеешь?

— Я умею прощать, — говорит девочка. — Но чтобы простить, нужно, чтобы кто-то попросил прощения. А они не просят. Они даже не знают, что я есть.

Гвидон смотрит на неё и чувствует, как внутри поднимается что-то тяжёлое, горячее, давно забытое.

— Я прошу, — говорит он. — За всех нас. За тех, кто боится. За тех, кто не готов. За тех, кто выбирает «не надо». Прости нас.

Девочка смотрит на него долго. Потом улыбается.

— Ты первый, кто попросил.

Она подходит ближе и кладёт прозрачную ладошку ему на грудь.

— Твоя нить не оборвана. Она просто натянута до предела. Иди. Я больше не буду кричать.

Гвидон чувствует, как тепло разливается по телу. А потом — толчок.

Он открывает глаза.

Он стоит в Подвале, рядом с Агатой. Она держит свет, и по её лицу текут слёзы.

— Ты вернулся, — шепчет она.

— Я принёс прощение.

Вокруг них нити больше не звенели. Они тихо светились — каждая своим светом. Эхо стихло.

Женщина, сотканная из надежд, подошла к ним.

— Она ушла, — сказала она. — Девочка. Её нить больше не плачет. Она превратилась в свет.

— И что теперь? — спросила Агата.

— Теперь вы должны вернуться. И рассказать там, наверху, что надежда не терпит страха. Что каждый ребёнок, даже нерождённый, даже невозможный, даже «не вовремя», — это песня. И если её не спеть, она станет эхом. Которое будет звучать вечно.

Агата кивнула. Гвидон взял её за руку.

— Мы расскажем.

Женщина улыбнулась и начала таять, рассыпаясь на тысячи маленьких огоньков.

— Я больше не нужна здесь, — донёсся её голос. — Они все прощены. И я прощена. Спасибо вам.

Огоньки взметнулись вверх и исчезли среди миллионов нитей, которые теперь светились ровно и спокойно, как звёзды в безветренную ночь.

Агата и Гвидон остались одни в центре Подвала.

— Нам пора, — сказал Гвидон.

— Пора.

Он взял её за руку, и свет клубка перенёс их обратно.

Они вышли из-под корней Великого Дуба. В лицо ударил свежий ветер. Пахло соснами, мхом и... жизнью.

— Бабушка?

Голос был тоненьким и требовательным. Агата обернулась.

На тропинке стояла внучка. За ней, с самым независимым видом, вышагивал Котофей.

— Вы где были? — строго спросила девочка. — Я уже завтрак сварила. Кашу. Котофей помогал.

— Помогал есть, — уточнил кот.

Агата рассмеялась. Впервые за долгое время — легко, свободно, по-настоящему.

— Мы ходили в гости, — сказала она. — К одной девочке.

— К девочке? А почему меня не взяли?

— Потому что ты здесь была нужнее. Смотри, как хорошо всё без нас сохранила.

Внучка задрала нос, довольно улыбаясь.

— Ага. Я ещё и ключи протёрла. Все до одного.

Агата посмотрела на неё, и сердце её наполнилось такой теплотой, что, казалось, сейчас разорвётся.

Ключи. Новая жизнь. Новая надежда.

— Пойдёмте домой, — сказала она. — Кашу есть.

— А сметану? — подозрительно спросил Котофей.

— И сметану.

— Тогда я согласен. Временное главенство отменяется. Возвращаю полномочия.

Гвидон подхватил внучку на руки, и они пошли по тропинке к избе, которая светилась тёплым светом среди сосен.

Где-то там, в глубине леса, просыпалась Бабушка-Пряха, чувствуя, что нити снова звучат чисто. Где-то там, в городе, женщина, которая когда-то испугалась, вдруг остановилась посреди улицы и заплакала, сама не зная почему. Где-то там рождались новые души, и их первый крик был не от боли, а от удивления.

А здесь, в избе на краю леса, просто пили чай с кашей и сметаной. И этого было достаточно.

Потому что иногда достаточно просто быть.

Запись в гримуаре Агаты:

«Мы были в Подвале. Гвидон вошёл в самую громкую нить — в девочку, которую не захотели. Он попросил у неё прощения. За всех нас. И она простила.

Я думала, что боль — это самое страшное. Оказывается, страшнее — эхо. Боль, которую не прожили, не оплакали, не простили. Она висит в воздухе и заражает всех вокруг.

Мы убрали эхо. Но это не значит, что всё кончено. Это значит, что теперь можно начинать сначала. Слышать каждую душу, даже ту, что ещё не решилась прийти. Петь чисто, даже когда страшно. Помнить, что надежда не терпит шума.

P.S. Котофей отрапортовал, что за время нашего отсутствия внучка съела три банки сметаны. Он смотрит на меня с укором, но я вижу в его глазах гордость. Растёт сменщица. Теперь будем учить её не только сметану есть, но и ключи различать. Всему своё время».